
КУЛЬТУРНЫЙ ТРАНСФЕР

CULTURAL TRANSFER

УДК 316.4

ПАМЯТЬ КОЛЛЕКТИВНАЯ *VERSUS* ПАМЯТЬ ИНДИВИДУАЛЬНАЯ: К ВОПРОСУ О СИМФОНИЧНОСТИ

Н. Л. МЫСЛИВЕЦ¹⁾

¹⁾Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, ул. Элизы Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь

Указаны предпосылки возрастания научно-исследовательского интереса к изучению памяти о прошлом. Определены особенности таких форм репрезентации прошлого, как история и память. Приведены основные понятия, которые используются в процессе надывидуального осмысления памяти о прошлом: опыт поколений, образы прошлого, историческая память, коллективная память, индивидуальная память. Описываются основные подходы к пониманию таких форм репрезентации прошлого, как коллективная и индивидуальная память, раскрывается сущность данных феноменов. Сделан вывод о целесообразности использования междисциплинарного подхода к их изучению. Подчеркивается роль информационных каналов как одного из важнейших источников формирования исторической памяти в современном обществе. Рассматриваются особенности эволюции представлений о сущности коллективной и индивидуальной памяти. Анализируются взгляды различных авторов в отношении природы и сущности форм памяти о прошлом. Полученные результаты могут быть использованы в процессе проведения эмпирических исследований памяти о прошлом в целях выявления особенностей межпоколенной трансляции накопленного социально-исторического опыта. Выработанные предложения могут быть использованы в практической деятельности по совершенствованию системы идейно-воспитательной работы и содержания образовательного процесса в учреждениях образования.

Ключевые слова: прошлое; история; память о прошлом; историческая память; коллективная память; индивидуальная память.

Образец цитирования:

Мысливец НЛ. Память коллективная *versus* память индивидуальная: к вопросу о симфоничности. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;4:65–74.

For citation:

Myslivets NL. Collective memory *versus* individual memory: on the question of the symphonic memory of the past. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;4: 65–74. Russian.

Автор:

Николай Леонтьевич Мысливец – кандидат социологических наук, доцент; заместитель декана факультета довузовской подготовки.

Author:

Nikolai L. Myslivets, PhD (sociology), docent; deputy dean of the faculty of pre-university training.
n.myslivets@gmail.com

COLLECTIVE MEMORY *VERSUS* INDIVIDUAL MEMORY: ON THE QUESTION OF THE SYMPHONIC MEMORY OF THE PAST

N. L. MYSLIVETS^a

^a*Janka Kupala State University of Hrodna, 22 Elizy Ažėška Street, Hrodna 230023, Belarus*

The prerequisites for research interest increase in studying of memory of the past are pointed out in the introduction. Specific features of such forms of the representation of the past as history and memory are determined. The basic concepts used in the process of the supraindividual comprehension of the memory of the past are stated: they are generations' experience, images of the past, historical memory, collective memory, individual memory. The main part of the article describes the essence and basic approaches for understanding of such forms of the past representation as collective and individual memory. It concludes the expediency of using the interdisciplinary approach for their study. The role of information channels as one of the most important sources of historical memory formation in modern society is stressed. The peculiarities of the evolution of collective and individual memory essence perceptions are studied. Various authors' views on the nature and different forms of memory of the past essence are analyzed. The obtained results can be used in carrying out empirical research on the memory of the past in order to reveal the features of the intergenerational translation of the accumulated social and historical experience. The developed proposals can be used in practical activities to improve the system of ideological and educational work and the educational process content in educational institutions.

Key words: the past; history; memory of the past; historical memory; collective memory; individual memory.

Вы не поймете ни одной из великих исторических эпох, будь то эпоха Ренессанса, эпоха расцвета средневековой культуры, зарождения раннего христианства или период расцвета эллинской культуры, вы не поймете ни одной из этих великих эпох иначе как путем исторической памяти, в откровениях которой узнаете свое духовное прошлое, свою духовную культуру, свою родину.

Н. А. Бердяев

Введение

Стремление сохранять и познавать прошлое, извлекать из него необходимый в современных социальных практиках опыт является одной из фундаментальных особенностей человеческого существования. Интерес к новому прочтению прошлого и важность его максимально полной реконструкции особенно актуализируются на переломных этапах общественного развития: именно тогда наиболее остро встает вопрос о необходимости восстановления подлинного социального контекста завершившейся эпохи, выявления и репрезентации всего спектра общественных настроений, культурных предпочтений и ценностных ориентиров различных социальных слоев и групп в целях разработки либо корректировки возможных сценариев дальнейшего развития общества.

Среди большого количества наук, изучающих общество в его динамике, особая роль принадлежит истории и социологии. Имея ряд общих черт в предметной области, эти науки существенно различаются исследовательскими подходами к познанию общественных процессов. Данное различие белорусский социолог А. Н. Елсуков определял следующим образом: «Если историки на базе глубокого знания прошлого стремятся постичь суть современных общественных явлений и процессов, то социологи движутся в обратном направлении, стремясь с позиции современных взглядов на об-

щество переосмыслить некоторые устоявшиеся представления о прошлом. Так как современность весьма динамична в своем развитии, то и оценки прошлого приходится часто пересматривать» [1, с. 9].

Следствием динамики развития современной эпохи, как считает французский исследователь П. Нора, является тот факт, что «у историка отбрасывается его традиционная монополия на интерпретацию прошлого. В мире, где существовали коллективная история и индивидуальная память, именно историк имел право исключительного контроля над прошлым. Так называемая научная история в течение последнего века мощно поддерживала данную привилегию. Только историк умел устанавливать факты, обращаться с доказательствами, наделять истинностью. Это было его профессией и его достоинством. Сегодня историк далеко не одинок в порождении прошлого. Он делит эту роль с судьей, свидетелем, средствами массовой информации и законодателем» [2, с. 40–41].

Прошлое, как известно, существует в настоящем в двух основных, но существенно отличающихся формах. Первая представляет историю как объективную научную реконструкцию прошлого, осуществляемую профессиональными исследователями, которые руководствуются установкой на максимально точное ее воспроизведение при по-

мощи специальных источников. Вторая форма – это память, представляющая собой уникальное социально обусловленное явление, предметом которого служит не само событие, а его отпечаток в сознании познающего, образ, который передается непосредственными участниками, свидетелями, очевидцами, а позже реконструируется новыми поколениями.

Как писал русский философ Н. А. Бердяев, «история опознается через историческую память как некоторую духовную активность, как некоторое определенное духовное отношение к “историческому” в историческом познании, которое оказывается внутренне, духовно преображенным и одухотворенным. Только в процессе одухотворения и преображения в исторической памяти уясняется внутренняя связь, душа истории» [3, с. 16]. Следует добавить, что получаемые таким образом знания, обнаруживаемые факты, выявляемые тенденции в ряде случаев оказываются настолько неожиданными и противоречивыми, что способны разрушить сформировавшуюся в общественном сознании привычную логику интерпретации прошлого, а социальный эффект от подобного рода открытий зачастую превосходит по своим масштабам пресловутую «шоковую терапию».

Феномен памяти о прошлом стал предметом специальных исследований сравнительно недавно, лишь в период позднего модерна. Как пишет россий-

ский исследователь Л. П. Репина, «в обширном пространстве социально-гуманитарного знания, охваченного на рубеже XX–XXI веков настоящим бумом так называемых мемориальных исследований, эта проблема актуализировалась, и память о прошлом как предмет изучения и описания превратилась в своеобразное яблоко раздора, причем сразу в нескольких планах: я имею в виду разные аспекты споров вокруг самого понятия о прошлом и способов ее исследования» [4, с. 24].

В современном социогуманитарном знании используется ряд понятий, фиксирующих наличие особой системы хранения, переработки и трансляции информации, обеспечивающей процесс расширенного воспроизводства материальной и духовной культуры и всего общества в целом. Это такие во многом сходные концепты, как коллективная память, социальная память, историческая память, культурная память, историческое сознание, образы прошлого, политика памяти и др. Несмотря на то что эти понятия сформировались в рамках разных теорий, все они ориентированы на осмысление надындивидуального измерения памяти. В настоящей статье предпринята попытка выявить содержательные особенности таких способов сохранения памяти о прошлом, как коллективная и индивидуальная память, и описать некоторые характеристики их взаимосвязи и взаимодействия в современном обществе.

Основная часть

История изучения памяти о прошлом насчитывает не одно столетие и начинается еще с эпохи Античности. Одним из первых мыслителей, которые попытались установить роль памяти в становлении человеческого сознания, был английский философ Дж. Локк (1632–1704). В работе «Опыт о человеческом разумении» он писал: «Память разумному существу необходима почти в такой же степени, как восприятие. Она настолько важна, что там, где ее нет, все остальные наши способности в значительной мере бесполезны. В своем мышлении, рассуждении и познании мы не могли бы идти далее лежащих перед нами объектов, если бы не помощь нашей памяти» [5, с. 202].

По мнению философа, память позволяет человеку констатировать, что на протяжении длительного промежутка времени он остается таким же, как есть. В каждом конкретном воспоминании, относящемся к единичному моменту времени, человек способен узнать самого себя, соответственно, совокупность этих моментов-воспоминаний создает связность и непрерывность деятельности человеческого сознания [5, с. 201]. Как пишет российский исследователь К. П. Шевцов, «Локк решается положить в основу своих понятий парадокс памяти и тем самым получает возможность не

только заново разметить границы субъективности, но и изменить взгляд на природу познания» [6, с. 192].

Свою трактовку проблемы памяти сформулировал немецкий философ Г. В. Ф. Гегель (1770–1831). Согласно его подходу каждый индивид есть несовершенный дух, в бытии которого доминирует определенность. По мере того как этот дух становится все более развитым, то, что раньше было важным, отходит на второй план, остается только в виде бледного следа и играет роль подготовительных сведений. Эти сведения индивид, по мнению Гегеля, должен вспомнить, чтобы перейти на более высокую ступень. С одной стороны, «надо выдерживать длину этого пути», а с другой – задержаться на каждом отдельном моменте. А задержаться мы можем только при помощи памяти, полагал философ. Гегель писал: «Один из действительно самых трудных пунктов в учении о духе, в систематизировании интеллигенции, оставшийся до сих пор совершенно без внимания, заключается в установлении места и значения памяти, а также в выяснении ее органической связи с мышлением. Память как таковая сама есть только внешний способ, односторонний момент существования мышления» [7, с. 306].

Французский философ, основоположник интуитивизма А. Бергсон (1859–1941) в своих работах указывал на существование двух независимых и самостоятельных форм памяти: *памяти-привычки*, возникающей посредством повторения одного и того же усилия и включенной в замкнутую систему движений, которые производятся всегда в одинаковом порядке и занимают всегда одинаковое время, и *воображающей памяти*, которая регистрирует в форме образов все происходящее с человеком, вследствие чего каждое событие жизни снабжается определенной отметкой времени и места. По мере того как однажды воспринятые образы закрепляются, сопровождающие их движения преобразуют организм, создавая новые предпосылки к действию: «Мы осознаем эти механизмы в тот момент, когда они вступают в действие, и это сознание всех прошлых усилий, скопившихся в настоящем, все еще есть память, но память... всегда устремленная к действию, пребывающая в настоящем и не видящая ничего, кроме будущего» [8, с. 273]. Человек без памяти о настоящем, наделяя образ местом и датой, видел бы лишь то, чем этот образ *отличен* от других. Напротив, человек, имеющий лишь память-привычку, умел бы выделить только *сходство*. Но в нормальной жизни эти состояния тесно вплетены друг в друга, «из столкновения обоих токов возникает общая идея» [8, с. 284].

Проблема разрыва между индивидуальным и коллективным сознанием (равно как и попытка его преодолеть) нашла свое продолжение в рамках феноменологического дискурса, в частности в контексте трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля (1859–1938). Немецкий философ не оперировал понятием «социальная память» – он использовал термин «культурные миры», где ключевым критерием уединенности таких сообществ выступает наличие общих воспоминаний [9, с. 154].

В работе «Лекции по феноменологии внутреннего сознания времени» Гуссерль обращается к проблеме соотношения памяти и воспоминания: в зависимости от ситуации воспоминание выступает то как процесс конституирования, то как результат данного процесса [10, с. 51]. В целом же эволюцию взглядов немецкого философа на проблему памяти можно обозначить как постепенное смещение от индивидуальной способности воспоминания к преодолению излишнего субъективизма через категорию интерсубъективности [9, с. 123–125].

Начало социологического исследования коллективной памяти связано с именем французского социолога Э. Дюркгейма (1858–1917). В соответствии с его концепцией в традиционном обществе, для которого характерна тесная связь между религией, религиозными ритуалами, исторической памятью и идентичностью, основным хранилищем памяти

о социально значимом прошлом и средством его трансляции являются религиозные ритуалы.

В модернизированном же обществе коллективное сознание, основанное на «органическом» разделении труда, ослабевает, снижается масштаб его действия и интенсивность. Традиционные верования и религиозные ритуалы теряют власть над умами и чувствами людей, перестают выполнять ранее присущую им основополагающую роль в хранении, трансляции и периодическом оживлении памяти. Все большее влияние приобретают универсальные общечеловеческие наднациональные ценности, распространяется культ индивидуализма, наблюдается фрагментация социальных связей, плюрализация нравственных норм. Особое значение, по мнению ученого, приобретают социальные группы, через которые осуществляется связь индивида с социальным организмом как целостностью. Основным механизмом укрепления солидарности такого типа становится закон. Он выполняет главную роль в ее поддержании, которую в традиционных обществах обеспечивала религия. Таким образом, Э. Дюркгейм обозначил важную тему современных исследований коллективной памяти – изучение законодательства и правовой практики в качестве носителей и механизмов памяти обществ.

В статье «Представления индивидуальные и представления коллективные» Дюркгейм сформулировал следующую задачу: «Коллективная жизнь, как и психическая жизнь индивида, состоит из представлений; следовательно, можно допустить, что индивидуальные представления и социальные представления каким-то образом сравнимы между собой. Мы попытаемся действительно показать, что те и другие находятся в одинаковом отношении со своим соответствующим субстратом» [11, с. 208–209]. Один из выводов, которые делает философ, звучит следующим образом: «Представление не может возникать, не воздействуя на тело и на психику человека. <...> Но связь между настоящим и прошлым может также устанавливаться с помощью чисто интеллектуальных посредников» [11, с. 224–225].

Дюркгейм не создал законченной теории коллективной памяти. Ученый сосредоточил свое внимание на такой конкретной ее форме, как коммеморативный ритуал, однако в его социологии уже были заложены все необходимые теоретико-методологические основания для того, чтобы впоследствии эту теорию могли разработать его ученики и последователи.

Объектом социологического исследования коллективной памяти стала благодаря французскому социологу М. Хальбваксу (1877–1945). Ученый творчески осмыслил теорию Дюркгейма о социальной опосредованности памяти, а также идеи представителей других философских и психологических

направлений, которые трактовали память как непосредственную способность души отдельного человека. По мнению М. Хальбвакса, классическая психология и психоанализ проделали значительную работу в области исследования психологических процессов жизни личности, однако указанные науки ограничивались изучением сознания индивида в изолированном состоянии, а потому им удалось лишь описать ментальные феномены, но не проникнуть в их суть.

Хальбвакс рассматривал память как социально обусловленное явление. Именно общество задает «социальные рамки памяти»: сферы жизни отдельных коллективов, укорененных в пространстве и времени с присущими им конкретными условиями бытия и формами мировоззрения. В работе «Социальные рамки памяти» свою основную идею ученый выразил следующим образом: «...существует коллективная память и индивидуальные рамки памяти, и наше индивидуальное мышление способно к воспоминанию постольку, поскольку оно заключено в этих рамках и участвует в этой памяти» [12, с. 29].

Память как доступ к реальностям прошлого весьма ненадежна, и тем не менее именно она образует основу социального порядка. Ни одно общество не могло бы жить без коллективного фонда воспоминаний, ибо религия и семья, профессиональные организации и социальные институты удерживаются вместе только коллективными воспоминаниями. Задача социолога – вносить вклад в общественную солидарность посредством изучения источников социального сцепления, социальной связи.

Характеризуя коллективную память в качестве социального феномена, Хальбвакс подчеркивал ее избирательность. Личные воспоминания склонны к исчезновению, в случае если они не повторяются, не вызываются в памяти вновь и вновь. Вероятность их повторения зависит от того, наделяли ли их коллективной функцией «социальной рамки памяти». Так, автобиографические воспоминания могут выжить только при условии, что они отвечают каким-то институциональным нуждам. Но те воспоминания, которые стали достоянием коллективного сознания, вовсе не могут считаться ненадежными в том, как они изображают события прошлого. Скорее, некоторые события, переработанные коллективной памятью, приобретают своего рода вечное значение и в силу этого вспоминаются чаще и дольше по сравнению с огромными массами происшествий, которые обречены на забвение, а отчасти и за счет этого забвения. Иначе говоря, Хальбвакс допускал, что коллективное запоминание и забвение зависят друг от друга и взаимно друг друга конституируют.

После смерти ученого была издана книга «Коллективная память», составленная из найденных

в его архиве рукописей. Ее содержание свидетельствует не только о конкретизации социологической теории памяти, но и о радикальном пересмотре разработанной ранее концепции. Если изначально Хальбвакс исходил из наличия жесткой иерархии различных социальных групп (семейных, классовых, религиозных), которые извне навязывают индивиду рамки памяти, то в последних своих текстах он больше внимания уделял процессу формирования собственно индивидуальной памяти как результата взаимодействий человека в составе различных социальных групп.

Более корректную и теоретически стройную интерпретацию соотношения индивидуальной и коллективной памяти предложил П. Рикёр (1913–2005). В своем фундаментальном труде «Память, история, забвение» ученый исследовал память в трех измерениях: как феномен сознания, как реконструкцию исторических событий, как живую память личности. По мнению П. Рикёра, «ни феноменология индивидуальной памяти, ни социология коллективной памяти не могут иметь под собой прочных оснований, если каждая из них соответственно считает справедливым только один из противоположных тезисов» [13, с. 174]. Поэтому он предлагал «исследовать возможности взаимодополнительности, содержащиеся в обоих антагонистических по отношению друг к другу подходах» [13, с. 174].

Ученый высказал предположение о существовании «между двумя полюсами – индивидуальной и коллективной памятью – промежуточного плана референции, где конкретно осуществляется взаимодействие между живой памятью индивидуальных личностей и публичной памятью сообществ, к которым мы принадлежим», а именно плана динамических отношений с близкими, располагающимися на разных дистанциях между *Я* и *Другими* [13, с. 184]. В этой коммуникации и обнаруживается соотношение индивидуальной и коллективной памяти.

Заслуга перехода от категории интереса субъективности к категории социальности принадлежит австрийскому философу и социологу А. Шюцу (1899–1959), который вписывал воспоминание, как и другие формы конституирования реальности, в более общий контекст механизмов формирования социального опыта. Социальная память, с точки зрения А. Шюца, – это память о встречах человека с теми, кто его окружает, запас знаний, благодаря которому осуществляется совпадение релевантностей, являющееся условием контактирования людей и расширения индивидуального «жизненного мира» [14].

По мнению французского историка П. Нора, память перестает быть «совокупностью элементов прошлого, которые следует запомнить, дабы приготовить почву для желанного будущего; она

становится способом осознать собственное настоящее» [15]. Исследователь предложил изучать топографические, монументальные, символические, функциональные «места», с которыми общество связывает свои воспоминания, и создавать историю этих своеобразных «мемориалов». Места памяти не являются местами в узком, географическом, смысле, они определяются как своеобразные точки пересечения, на которых складывается и концентрируется память общества. Их главная функция – сохранение коллективной памяти. Важной их характеристикой выступает способность нести разные значения, и эти значения могут меняться. Исследователи изучают не столько материальное или историческое ядро места памяти, сколько его отражение в сознании и формы его восприятия.

С именем немецкого египтолога Я. Ассмана связано утверждение концепции культурной памяти, которая была разработана им на материале древних культур: египетской, еврейской, греческой [16]. Ученый различает коммуникативную и культурную память. Первая представляет собой «живую память» индивидов и социальных групп, которые являлись непосредственными участниками и очевидцами событий прошлого. Она возникает в процессе межпоколенного общения, в контексте межличностных взаимодействий в повседневной жизни, является малоформализованной и сохраняется на протяжении жизни трех-четырех поколений. Культурная память – это особая символическая форма передачи и актуализации культурных смыслов, которая выходит за рамки опыта отдельных людей или групп и, передаваясь от поколения к поколению, удерживает лишь наиболее значимое прошлое. Такая память связана с социальными группами и служит для них условием самоидентификации, укрепляя ощущение единства и собственного своеобразия. Она имеет формализованный характер, сохраняется традицией и выражается в различных мемориальных знаках: в памятных местах, датах, церемониях, письменных, изобразительных и монументальных памятниках. Ее изучение является задачей такого научного направления, как история памяти, цель которого состоит в том, чтобы проанализировать саму традицию как феномен коллективной или культурной памяти, установить, почему то или иное событие продолжает жить в воспоминаниях. Иначе говоря, история памяти анализирует значение, которое настоящее придает событиям прошлого.

Как и многие другие критики «социальных рамок» Хальбвакса, Я. Ассман выступил против признания коллектива субъектом памяти и употребления (пусть и метафорического) понятий «групповая память» и «память нации». Вместе с тем разработанная им теория культурной памяти в целом построена на том же фундаменте: автор трактует культурную память как «особую символическую

форму передачи и актуализации культурных смыслов, выходящую за рамки опыта отдельных людей или групп» [16, с. 61].

Американский историк и географ Д. Лоуэнталь (р. 1923), автор книги «Прошлое – чужая страна», говоря о прошлом, существующем в памяти индивида, подчеркивал: «События и опыт прошлого предшествуют нашей жизни, однако прочитанные, услышанные и повторенные вновь, они становятся также частью наших собственных воспоминаний» [17, с. 19].

Проблеме рассмотрения культуры в контексте социальной памяти посвятил свою работу «Память в культурологическом освещении» Ю. М. Лотман (1922–1993). Как отмечал исследователь, «с точки зрения семиотики культура представляет собой коллективный интеллект и коллективную память, т. е. надындивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений (текстов) и выработки новых. В этом смысле пространство культуры может быть определено как пространство некоторой общей памяти, т. е. пространство, в пределах которого некоторые общие черты могут сохраняться и могут быть актуализированы. При этом актуализация их совершается в пределах некоторого смыслового инварианта, позволяющего говорить, что текст в контексте новой эпохи сохраняет при всей инвариантности истолкований идентичность самому себе» [18, с. 200].

По поводу соотношения индивидуальной памяти и коллективных представлений о прошлом Ю. М. Лотман выразил свою позицию следующим образом: «Подобно тому как индивидуальное сознание обладает своими механизмами памяти, коллективное сознание, обнаруживая потребность фиксировать нечто общее для всего коллектива, создает механизмы коллективной памяти. К ним следует отнести и письменность» [19, с. 345–346].

Российский исследователь А. И. Макаров, следуя концепциям М. М. Бахтина и Ю. М. Лотмана, отмечал: «Сознание и память индивида не находятся в изоляции от знаний, которыми обладают или когда-то обладали другие люди. Благодаря общению между людьми и традиции как коммуникации между поколениями знания способны накапливаться и храниться. Это – бесценный запас всеобщего опыта. Рождаясь, входя в общение с Другими, погружаясь в язык, человек становится проводником знания (образов, понятий, схематизмов мышления), накопленного его референтной группой... Если же допустить, что человеческие сообщества тоже способны вступать в обмен знаниями с другими группами, то групповая память вливается в некую общегрупповую надындивидуальную память» [20, с. 10].

Советский исследователь Я. К. Ребане характеризовал социальную память как совокупность ненаследственных (внегенетических) социально-

культурных средств и систем информации, на основе которых, во-первых, формируется психика и сознание человека как исторически конкретного существа, выступающего также и в качестве субъекта познания; во-вторых, осуществляется исторически развивающийся процесс человеческого, т. е. общественного познания [21]. Социальная память, по мнению ученого, не просто сумма передаваемых в обществе знаний, а накопленная в ходе социально-исторического развития информация, зафиксированная в результатах практической и познавательной деятельности людей. Она передается от поколения к поколению с помощью социально-культурных средств и выступает основой индивидуального и общественного познания на каждом конкретном этапе исторического развития.

Среди работ историко-социологического характера методологическое значение имеет статья Ж. Т. Тощенко «Историческая память и социология», в которой описываются этапы становления и развития советской (российской) исторической социологии, обращается внимание на сущность исторической памяти как социологической категории [22]. Актуальным представляется вывод о том, что в условиях коренных общественных сдвигов в России историческая память имеет тенденцию к оживлению своей роли в духовном потенциале как отдельного человека, так и народа в целом.

Исследования коллективной памяти нашли свое отражение в русле современного психоанализа. Так, М. Полляк считал, что наша память структурируется и включается в память той общности, к которой мы принадлежим, и к ее атрибутам [23]. К их числу относятся памятники – архитектурное наследие, стиль которого воздействует на нас на протяжении всей нашей жизни; пейзажи; даты исторических событий и исторические личности, о которых мы постоянно слышим; традиции и обычаи; различные правила общения; фольклор; музыка и даже гастрономические привычки. Эти различные атрибуты-ориентиры можно понимать как определенные эмпирические индикаторы коллективной памяти каждой группы. Коллективная память играет позитивную роль в усилении социальной сплоченности не путем принуждения, а через эмоциональную аффективную групповую связь. Освещая ее особенности, свойства и функции, Полляк опирался на соотношение между официальной, легитимной памятью страны, народа, города и памятью неофициальной, закрытой, умалчиваемой.

Проблему коллективной памяти в контексте истории Франции рассматривал А. Руссо [24]. Национальная память французов о событиях Второй мировой войны, по его мнению, прошла следующие этапы развития: а) чистка (цели и дилеммы); б) амнистия, амнезия, вытеснение; в) возврат прошлого, вытесненного. Каждый из этих этапов был определен логикой развития исторических собы-

тий времен войны и трансформацией отношения к ним со стороны граждан, участников событий.

В своей работе «Память и политика: о социологии коллективной памяти» М. К. Лавабр анализировал опыт исторического пути различных государств, пытаясь оценить особенности коллективной памяти, ее формы, функции и трансформацию во времени. В частности, М. К. Лавабр отмечал, что память может представлять собой «миф, легенду, эмоциональное отношение к истории, воссоздавая прошлое таким, каким его видят индивидуумы и группы людей, готовые придать смысл и значение прошлому, которое они пережили» [25]. Иногда она выступает в виде более приукрашенной формы истории, уроков прошлого, а конечной ее целью является не знание, а соответствие тому, что стремятся создать власть имущие. Порой память обретает форму живых воспоминаний тех, для кого минувшие события незабываемы, и воссоздание этих событий не может быть в полной мере осуществлено официальными историками.

Постмодернистское мышление поставило под сомнение само понятие исторической реальности, хотя вместе с тем такие подходы выявили новые стратегии в познании и осмыслении истории. Глубокая и всесторонняя компаративистика понимания детерминации социокультурных процессов исторической памятью представлена в фундаментальном исследовании П. Хаттона «История как искусство памяти» [26].

Оригинальную концепцию автобиографической памяти разработала В. В. Нуркова [27; 28]. Она исследовала, как самосознание личности приобретает историческое измерение в соотношении с общезначимыми событиями, и описала роль исторического компонента в индивидуальной автобиографической памяти. Кроме того, В. В. Нуркова сделала важные выводы о функционировании исторических воспоминаний в структуре автобиографической памяти, в частности о наличии в ней присвоенного опыта предшествующих поколений, а также о том, что «механизм перехода от обладания семантическим историческим знанием к активному формированию исторической памяти в статусе живого опыта заключается в создании условий для деятельностного присвоения исторического знания» [28, с. 33]. Выявленные автором различные механизмы включения исторически значимых событий в индивидуальную историческую память и их переживания позволяют яснее представить возможные критерии достоверности исторических сведений и роль исторического контекста в текстах автобиографического характера: от так называемых модельных (или канонических) до вполне рядовых.

В этом же ключе рассуждает российский социолог Л. Д. Гудков, говоря о том, что воспоминание может быть представлено как «социальное взаимо-

действие, в котором воспоминающий неявно обращается к значимому *Другому*. <...> Если индивидуальные воспоминания выстраиваются как цепочки биографических или семейных обстоятельств, то они привязаны к плану частной истории с ее ключевыми ценностями и масштабами оценок. Коллективные же представления конституируются некоторыми ценностями всего сообщества и воспроизводятся другими средствами, нежели рассказы частных лиц. Как правило, они лишены следов своего происхождения, производства, воспринимаемая как сами собой разумеющиеся мнения, возникшие “неизвестно когда”, поскольку массовое или корпоративное сознание не просто не озабочено проблематикой генезиса этих представлений,

а, напротив, всячески защищается от возможной их рационализации, вытесняет следы их идеологического производства, табуирует их священный статус в качестве символов коллективной идентичности. Поэтому коллективные представления нельзя рассматривать как сумму индивидуальных воспоминаний и конкретных деталей происшедшего, это всегда совершенно иначе выстроенные “реконструкции” исторических процессов и событий, функция которых связана либо с ритуалами коллективной (национальной, групповой) солидарности, либо с изложением коллективных мифов, идеологием, предназначенных легитимировать те или иные социальные институты или политические действия» [29, с. 86–87].

Заключение

Все изложенное позволяет сделать ряд выводов. Коллективные представления о прошлом и индивидуальная историческая память тесно взаимосвязаны: коллективная память состоит из множества индивидуальных, но не сводится к ним. В то же время индивидуальные памяти пересекаются, но не агрегируются в совокупную память. Наряду с территорией, языком, культурой, религией коллективная память образует важнейшую основу существования народа, рождает чувство единства его исторической судьбы, в зависимости от характера которой (триумфальной или трагической) объединяет людей общим успехом или же общей травмой.

Коллективная память содержит отрефлексированный опыт совместной жизни определенной социальной группы (этнонациональной, конфессиональной, социально-демографической, поселенческой), ее общие ценности, паттерны, стереотипы, концентрирующие в себе консолидированную оценку исторической судьбы страны, нации, народа. Отражающиеся в ней образы прошлого выступают как интерпретационные модели, позволяющие индивиду и социальной группе ориентироваться в мире и в конкретных жизненных ситуациях.

Коллективная память поддерживает идентичность группы, но это не означает, что все ее члены обладают одинаковой индивидуальной памятью. Индивидуальная историческая память формируется под влиянием семьи, ближайшего окружения, внешней среды, включает все, что связано с восприятием фактов, свидетельств, событий прошлого, которые реставрируются в соответствующие образы исторической эпохи. Однако в ней присутствуют и социально признанные знания, которые оказывают значительное влияние на историческую память индивида. Степень их воздействия определяется не только личностными особенностями, но также и той социальной ролью, которую выбирает индивид как субъект исторического процесса: участник тех или иных событий, их свидетель, современник, наследник, интерпретатор.

Коллективная память и индивидуальная историческая память «пользуются» одинаковыми официальными источниками поступления информации, но при этом индивидуальная память «питается» информацией еще и из латентных источников, к числу которых относятся устные рассказы родственников, семейные архивы и фотоальбомы. Их использование обеспечивает формирование личностных моделей интерпретации прошлого, которые могут не только существенно отличаться от официальных версий, но и корректировать их.

Индивидуальные воспоминания существуют виртуально до тех пор, пока они не преобразованы в слова или образы для того, чтобы вступить в коммуникацию. Коллективные воспоминания создаются при помощи медиатизированных репрезентаций прошлого, которые предполагают отбор, определенную аранжировку и новые описания событий. Включение и исключение той или иной информации в содержании коллективной памяти (впрочем, и индивидуальной также) имеет как намеренный, так и непреднамеренный характер. Разнородные воспоминания могут существовать как в сознании индивида, так и в коллективной памяти. Некоторые из этих воспоминаний взаимодействуют, другие существуют относительно изолированно. Одни воспоминания гармонично уживаются друг с другом, другие же остро конфликтуют.

Исследования динамики коллективной и индивидуальной памяти как в аналитическом, так и в прикладном аспектах обычно сосредоточиваются на взаимоотношениях прошлого и настоящего, при этом исследователи оперируют данными, теоретическими положениями, обозначают проблемы в пределах связки *прошлое – настоящее*. Однако, чтобы понять, почему люди совершают те или иные акции коммеморации или забвения, не менее важно изучать и учитывать их представления о будущем. Ведь в конечном итоге культура памяти ориентирована на грядущие поколения.

Библиографические ссылки

1. Елсуков АН. Социологический анализ отечественной истории (роль Полоцкого княжества в политической жизни восточных славян и формировании белорусской народности). *Социология*. 2012;3:9–19.
2. Нора П. Всемирное торжество памяти. *Неприкосновенный запас*. 2005;2–3:40–41.
3. Бердяев НА. *Смысл истории*. Москва: Мысль; 1990.
4. Репина ЛП. Память о прошлом как яблоко раздора, или Еще раз о (меж)дисциплинарности. *Исторический журнал: научные исследования*. 2013;1:25–32. DOI: 10.7256/2222-1972.2013.01.3.
5. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении. В: Локк Дж. *Сочинения. Том 1*. Снарский ИС, Субботин АЛ, редакторы. Москва: Мысль; 1985.
6. Шевцов КП. Мера души: сознание и память в концепции Джона Локка. *Эпистемология и философия науки*. 2012;4:191–203.
7. Гегель Г. *Энциклопедия философских наук. Том 3. Философия духа*. Ситковский ЕП, редактор. Москва: Мысль; 1977.
8. Бергсон А. *Собрание сочинений. Том 1. Материя и память*. Москва: Московский клуб; 1992.
9. Гуссерль Э. *Картезианские размышления*. Санкт-Петербург: Наука; 1998. Совместное издание с «Ювента».
10. Гуссерль Э. *Феноменология внутреннего сознания времени. Собрание сочинений. Том 1*. Москва: Гнозис; 1994.
11. Дюркгейм Э. Представления индивидуальные и представления коллективные. В: Дюркгейм Э. *Социология. Ее предмет, метод, предназначение*. Москва: Канон; 1995. с. 72–84.
12. Хальбвакс М. *Социальные рамки памяти*. Зенкина СН, переводчик. Москва: Новое издательство; 2007.
13. Рикёр П. *Память, история, забвение*. Москва: Издательство гуманитарной литературы; 2004.
14. Шюц А. Структура повседневного мышления. *Социологические исследования*. 1988;2:131–141.
15. Нора П. Проблематика мест памяти [Интернет]. 1999 [процитировано 22 марта 2018 г.]. Доступно по: <http://es-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html>.
16. Ассман Я. *Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. Москва: Языки славянской культуры; 2004.
17. Лоуэнталь Д. *Прошлое – чужая страна*. Москва: Владимир Даль; 2004.
18. Лотман ЮМ. Память в культурологическом освещении. В: Лотман ЮМ. *Избранные статьи. Том 1. Статьи по семиотике и типологии культуры*. Таллин: Александра; 1992. с. 200–202.
19. Лотман ЮМ. Альтернативный вариант: бесписьменная культура или культура до культуры? В: Лотман ЮМ. *Внутри мыслящих миров: человек – текст – семиосфера – история*. Москва: Языки русской культуры; 1996. с. 344–356.
20. Макаров АИ. *Феномен надындивидуальной памяти (образы – концепты – рефлексия)*. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета; 2009.
21. Ребане ЯК. Информация и социальная память: к проблеме социальной детерминации познания. *Вопросы философии*. 1982;8:46.
22. Тощенко ЖТ. Историческая память и социология. *Социологические исследования*. 1998;5:3–6.
23. Полляк М. Память, забвение, молчание. В: Автономова НС, Стёпин ВС, редакторы. *Психоанализ и науки о человеке*. Москва: Прогресс. Культура; 1995. с. 191–216.
24. Руссо А. Черные страницы национального прошлого. Послевоенная история и историческая память. В: Автономова НС, Стёпин ВС, редакторы. *Психоанализ и науки о человеке*. Москва: Прогресс. Культура; 1995. с. 217–232.
25. Лавабр МК. Память и политика: о социологии коллективной памяти. В: Автономова НС, Стёпин ВС, редакторы. *Психоанализ и науки о человеке*. Москва: Прогресс. Культура; 1995. с. 233–244.
26. Хаттон П. *История как искусство памяти*. Санкт-Петербург: Владимир Даль; 2003.
27. Нуркова ВВ. Анализ феноменов автобиографической памяти с позиций культурно-исторического подхода. *Культурно-историческая психология*. 2008;1:17–26.
28. Нуркова ВВ. *Культурно-исторический подход к автобиографической памяти [автореферат диссертации]*. Москва: МГУ им. М. В. Ломоносова; 2009.
29. Гудков ЛД. «Память о войне» и массовая идентичность россиян. *Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа*. Москва: Новое литературное обозрение; 2005. с. 83–103.

References

1. Jelsukov AN. Sociological analysis of national history (role of Polotsk principality in Eastern Slavs' political life and formation of Belarusian national ethos). *Sotsiologiya*. 2012;3:9–19. Russian.
2. Nora P. [Worldwide exultation of memory]. *Neprikosnovennyi zapas*. 2005;2–3: 40–41. Russian.
3. Berdyaev NA. *Smysl istorii* [The meaning of history]. Moscow: Mysl'; 1990. Russian.
4. Repina LP. The memory of the past as an apple of discord or once again on the (inter)-disciplinarity. *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya*. 2013;1:25–32. Russian. DOI: 10.7256/2222-1972.2013.01.3.
5. Locke J. [Essay concerning human understanding]. In: Locke J. *Sochineniya. Tom. 1* [Collected works. Volume 1]. Snarskii IS, Subbotin AL, editors. Moscow: Mysl'; 1985. Russian.
6. Shevtsov KP. The measure of soul: consciousness and memory in the conception of John Locke. *Epistemology and Philosophy of Science*. 2012;4:191–203. Russian.
7. Hegel G. *Entsiklopediya filosofskikh nauk. Tom 3. Filosofiya duha* [Encyclopedia of philosophy. Volume 3. The philosophy of spirit]. Sitkovskii EP, editor. Moscow: Mysl'; 1977. Russian.
8. Bergson H. *Sobranie sochinenii. Tom 1. Materiya i pamyat'* [Collected works. Volume 1. Matter and Memory]. Moscow: Moskovskii klub; 1992. Russian.
9. Husserl E. *Kartezianskie razmyshleniya* [Cartesian Meditations]. Saint Petersburg: Nauka; 1998. Co-edition by the «Yuventa». Russian.
10. Husserl E. *Fenomenologiya vnutrennego soznaniya vremeni. Sbranie sochinenii. Tom 1* [Collected works. Phenomenology of inner awareness of time. Volume 1]. Moscow: Gnozis; 1994. Russian.

11. Durkheim E. [Individual representations and collective representations]. In: Durkheim E. *Sotsiologiya. Jeje predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its object, method, purpose]. Moscow: Kanon; 1995. p. 72–84. Russian.
12. Halbwachs M. *Sotsial'nye ramki pamyati* [Social frames of memory]. Zenkina SN, translator. Moscow: Novoe izdatel'stvo; 2007. Russian.
13. Rikoeur P. *Pamyat', istoriya, zabvenie* [Memory, history, oblivion]. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoi literatury; 2004. Russian.
14. Schutz A. [Structure of the life-world thinking]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1988;2:131–141. Russian.
15. Nora P. Problems of memory places [Internet]. 1999 [cited 2018 March 22]. Available from: <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html>. Russian.
16. Assmann J. *Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural memory. Written language, memory of the past and political identity in Ancient cultures]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury; 2004. Russian.
17. Lowenthal D. *Proshloe – chuzhaya strana* [Past is a strange land]. Moscow: Vladimir Dal'; 2004. p. 200–202. Russian.
18. Lotman YM. [Memory in cultural studies]. In: Lotman YM. *Izbrannye stat'i. Tom 1. Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury* [Selected articles. Volume 1. Articles on semiotics and typology of culture]. Tallin: Aleksandra; 1992. p. 200–202. Russian.
19. Lotman YM. [The alternative: unwritten culture or culture before culture?]. In: Lotman YM. *Vnutri myslyashchikh mirov: chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside the intelligent worlds: man – text – semiotics sphere – history]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury; 1996. p. 344–356. Russian.
20. Makarov AI. *Fenomen nadyndividual'noi pamyati (obrazy – kontsepty – refleksiya)* [Supraindividual memory phenomenon (images – concepts – reflection)]. Volgograd: Volgograd State University Publishing House; 2009. Russian.
21. Rebane YK. [Information and social memory: to the problem of social determination of cognition]. *Voprosy filosofii*. 1982;8:46. Russian.
22. Toshchenko ZhT. [Historical memory and sociology]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1998;5:3–6. Russian.
23. Pollak M. [Memory, oblivion, silence]. In: Avtonomova NS, Stepin VS, editors. *Psikhoanaliz i nauki o cheloveke* [Psychoanalysis and humanics]. Moscow: Progress. Kul'tura; 1995. p. 191–216. Russian.
24. Russo A. [Black pages of the national past. Postwar history and historical memory]. In: Avtonomova NS, Stepin VS, editors. *Psikhoanaliz i nauki o cheloveke* [Psychoanalysis and humanics]. Moscow: Progress. Kul'tura; 1995. p. 217–232. Russian.
25. Lavabr MK. [Memory and politics: on the sociology of collective memory]. In: Avtonomova NS, Stepin VS, editors. *Psikhoanaliz i nauki o cheloveke* [Psychoanalysis and humanics]. Moscow: Progress. Kul'tura; 1995. p. 233–244. Russian.
26. Hatton P. *Istoriya kak iskusstvo pamyati* [History as an art of memory]. Saint Petersburg: Vladimir Dal'; 2003. Russian.
27. Nurkova VV. Analysis of Phenomenology of autobiographical memory within the frameworks of cultural-historical approach. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*. 2008;1:17–26. Russian.
28. Nurkova VV. *Kul'turno-istoricheskii podkhod k avtobiograficheskoi pamyati* [Cultural and historical approach to autobiographical memory] [abstract of dissertation]. Moscow: Lomonosov Moscow State University; 2009. Russian.
29. Gudkov LD. [«Remembering the war» and mass identity of the Russians]. *Pamyat' o voine 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa* [Remembering the war 60 years after: Russia, Germany, Europe]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2005. p. 83–103. Russian.

Статья поступила в редколлегию 20.08.2018.
Received by editorial board 20.08.2018.